

13. Сельские коллективы в Арагоне

Арагон был той частью лоялистской Испании, где преобладание анархистов в первый год Гражданской войны было наиболее полным. Это также был регион, в котором эксперименты анархистов по созданию сельскохозяйственных коллективов были наиболее масштабными, и вероятно, как во время войны, так и после неё, испанские и иностранные анархисты больше всего писали о сельской коллективизации, проходившей здесь, а не в других частях страны.

С другой стороны, Арагон оказался тем регионом, где инициативы анархистов в сельской местности наиболее яростно критиковались коммунистами. Это был регион, где коммунистические войска безжалостно вторгались в сельские коллективы и громили их, арестовывая и нередко убивая их лидеров, отнимая у них землю, урожай, инвентарь, скот и технику.

Дореволюционная модель землевладения в Арагоне

Джеральд Бренан описывает, в каких условиях обрабатывалась земля в Арагоне перед Гражданской войной: «Старая провинция Арагон состоит из пиренейских хребтов, где условия напоминают наваррские, орошаемой долины Эбро, где владения небольшие, а крестьяне – относительно зажиточные, и обширной засушливой области с весьма низким уровнем осадков, которая включает в себя степные равнины бассейна Эбро и редконаселённый горный регион, известный как Маэстрасго и простирающийся на юг до Теруэля».

Как отмечает Бренан, в каждой из частей региона земельные отношения складывались по-разному:

“ «Крупные поместья, залезшие в долги крестьяне и обнищавшие батраки отличают степной район, который испытал на себе сильное влияние анархо-синдикалистского движения. В Маэстрасго, с другой стороны, живы карлистские традиции». Далее Бренан делает любопытное замечание относительно внешности и психологии арагонских крестьян, хотя, возможно, это не имеет отношения к тому, что они делали во время Гражданской войны: «Следует добавить, что внешний облик арагонцев

очень отличается от облика басков или каталонцев: они кажутся людьми более простой породы и... они известны своим упрямством»¹.

Значение анархической милиции для создания коллективов

Нет сомнений в том, что одной из важнейших причин быстрого распространения сельских коллективов в Арагоне в первые месяцы войны было присутствие здесь анархических частей милиции. В начале мятежа силы армии и Гражданской гвардии получили контроль над большей частью Арагона. Однако, как только ситуация в Каталонии стабилизировалась, Главный совет милиции поставил своим приоритетом отвоевание Арагона у мятежников. В течение двух-трёх недель три четверти территории региона и половина его населения были возвращены под контроль сил, лояльных Республике². Эти силы по преимуществу состояли из анархистов и ими же возглавлялись.

Аугустин Сухи, немецкий анархист, в начале 1937 г. писал о событиях в этом регионе: «Сразу же после 19 июля в разных деревнях Арагона начались столкновения между крестьянами и фашистами. Во многих деревнях происходило повальное бегство населения, спасавшегося от преследований со стороны мятежников. Позднее, когда антифашистские колонны из Каталонии и Леванта вошли в Арагон, эти деревни были освобождены от гражданских гвардейцев и фашистов. Их жители вернулись. Здесь начался процесс социальных преобразований, который не имеет примеров в Испании с точки зрения его сложности и глубины»³.

Франц Боркенау, который посетил южный Арагон на второй неделе августа 1936 г., записал в свой дневник то, что он там увидел. Ему довелось побывать в посёлках Фрага и Сариньена. В первой, как он узнал, были убиты 38 человек (из тысячного населения), в основном по инициативе колонны Дуррути, которая проходила здесь. В их число входили «священник, его наиболее активные приверженцы, адвокат с сыном, помещик и некоторое число богатых крестьян». Однако, хотя земля и прочее имущество убитых были конфискованы местным революционным комитетом, «работа на земле покойных продолжалась тем же порядком, что был заведён прежде...»⁴

Но в Сариньене он нашёл уже организованный крестьянский коллектив. Жители молотили свой урожай пшеницы на четырёх молотилках, экспроприированных у крупных землевладельцев.

Боркенау писал в заключение своих наблюдений:

“ «Подводя итог: как во Фраге, так и в Сариньене имелись многочисленные политически индифферентные элементы и активное анархистское ядро, преимущественно младшего поколения. Во Фраге это ядро, под влиянием милиционной колонны Дуррути, способствовало убийству огромного числа

людей в селе, но никаких других достижений у них не было. В Сариньене такое же ядро было предоставлено само себе, так как она лежала на пути не анархистской, а поумовской колонны, и отношения между анархистским селом и милицией ПОУМ были далеко не лучшие. Но, несмотря на это, с гораздо меньшим числом убийств, анархистское ядро добилось значительных улучшений для крестьян, и всё же оно было достаточно мудрым, чтобы не пытаться насильно приобщить сопротивляющуюся часть села, а ждать, пока пример других не окажет эффект»⁵.

Франк Минц попытался получить представление об общем влиянии анархической милиции на движение по созданию коллективов. Он изучил случаи 19 коллективов, из которых девять находились в провинции Уэска, шесть – в Теруэле и четыре – в провинции Сарагоса. Он установил, что милиционеры участвовали в собраниях, на которых решался вопрос о создании трёх из девяти коллективов Уэски, четырёх из шести – Теруэля и всех четырёх – Сарагосыб.

Минц подвёл следующий итог: «Мы приходим к заключению, что коллективизация была принудительно навязана милицией, набранной из числа анархистов за пределами региона, и что, по нашему мнению, она организовывала поселения скорее с точки зрения военной экономики, для собственного обеспечения, чем по соображениям социальной реформы. С другой стороны, арагонские анархисты, зная ситуацию, извлекали выгоду из момента, не злоупотребляя им, и они добились успеха в осуществлении своих идей на практике с одобрения большинства крестьян...»⁷

Однако анархический лидер Феликс Карраскер отрицал, что коллективизация навязывалась милицией: «Я, тот, кто жил в Арагоне во время существования коллективов, могу подтвердить, что, за исключением немногих деревень, где какое-то время стоял фронт, нигде не было принуждения, и милиционеры не шли в тыл, чтобы организовать коллективы или общественные учреждения иного рода»⁸.

Руководители анархической милиции, особенно Дуррути, со своей стороны, были довольно откровенны по поводу задач милиции в коллективизации. Бернетт Боллотен цитирует заявление Дуррути: «Мы ведём войну и совершаем революцию одновременно. Революционные меры в тылу приняты не в одной только Барселоне; они распространяются отсюда до самой передовой. Каждая деревня, завоёванная нами, начинает развиваться на революционных началах»⁹.

11 августа 1936 г. колонна Дуррути выпустила прокламацию, которая освещает её роль в развёртывании революции в сельском Арагоне:

“ «Военный комитет колонны Дуррути, учитывая пожелания и нужды людей Бухаралоса, объявляет:

1. Ввиду того, что хлеб является священным достоянием трудового народа и антифашистского дела, урожай должен был убран без промедления.

2. Все предметы, такие как плоды, животные и средства транспорта, принадлежащие фашистам, становятся собственностью Народа под контролем его Комитета.
3. Начиная с даты выхода этой прокламации, частная собственность на земли крупных землевладельцев упраздняется, они становятся владением Народа в форме, которую определит Комитет.
4. Все тракторы, жатки, плуги и т.п., принадлежащие фашистам, являются собственностью Народа.
5. Поскольку вооружённая борьба милиции представляет собой защиту жизни и интересов трудящихся, граждане Бухаралоса должны оказывать ей свою безусловную и энергичную поддержку, как материальную, так и моральную»¹⁰.

Абель Пас, биограф Дуррути, также отметил, что в начале августа Дуррути «сосредоточил своё внимание на крестьянских коллективах, которые с удивительной стихийностью возникали по всему освобождённому Арагону. Отношения, установленные между колонной и коллективами, созданными в занятом ею секторе, были вполне братскими. Крестьяне приходили в колонну, чтобы передать продукты или попросить Дуррути посетить их коллектив и поделиться своим мнением о том, так идут дела». Дуррути обычно «соглашался с удовольствием... В ходе своих визитов в разные селения Дуррути оценил важность этой коллективной работы для расширения революции, но также отметил опасности, которым может подвергнуться движение коллективистов, если оно не станет единой силой...»¹¹

Дуррути предложил Военному комитету колонны, чтобы милиционеры, не занятые воинскими обязанностями, помогали крестьянам собирать урожай (см. главу 6)¹².

Очевидно, что связь между созданием анархических коллективов и присутствием милиционеров различалась от места к месту. Так, в большинстве деревень комарки Вальдерробрес провинции Теруэль активные анархисты были вынуждены спасаться бегством в начале мятежа. Собравшись в Гандесе, на границе Каталонии, они, с помощью местных элементов НКТ, через несколько дней вернулись и прогнали мятежников, захвативших контроль над их районом¹³.

В посёлке Тамарите в комарке Монсон, провинция Уэска, около недели сохранялось равновесие между революционным комитетом и подразделением Гражданской гвардии, которое оставалось в казарме. 26 июля анархисты «организовали ударную колонну из антифашистов окрестных деревень и заставили их [гвардейцев] покинуть Тамарите». Штатские сторонники мятежа пытались держать оборону в одном из зданий, но местная НКТ связалась со своими коллегами в Лериде, которые отправили им на помощь самолёт; после двух сброшенных бомб группа мятежников сдалась¹⁴.

В Бинефаре, также в комарке Монсон, гражданские гвардейцы и их штатские сторонники забаррикадировались в казарме и церкви. Когда сэнэтисты из города и округа собирались штурмовать здания, занятые мятежниками, к ним присоединилась «рота солдат, лояльных

Республике», которая только что прибыла из Лериды; мятежники вскоре сдались¹⁵.

Наконец, в случае Алькампеля, в той же комарке, возглавляемые НКТ крестьяне разбили вооружённых штатских мятежников, после того как местная Гражданская гвардия была вызвана в Тамарите. Здесь, 27 июля, Единый синдикат трудящихся НКТ созвал на сельской площади собрание, где он объявил о своём намерении организовать коллектив, наметил план мероприятий и предложил присутствующим обсудить его. Эта идея вызвала сильную оппозицию, которую возглавил местный врач, состоявший в ПОУМ. В конце собрания лидеры НКТ объявили, что в течение следующих двух дней желающие вступить в коллектив должны будут подписать соответствующий документ. В итоге 250 семей, около половины населения, вступили в коллектив. Через несколько дней к нему присоединился и врач¹⁶.

Количество коллективов в сельском Арагоне

Существуют разные мнения – как и в случае с другими частями лоялистской Испании – о том, сколько сельских коллективов действовало в Арагоне.

Гастон Леваль говорил мне, что их было около 350¹⁷, хотя в опубликованных работах он указывает цифру 400, приблизительно с полумиллионом крестьян и других участников¹⁸.

С другой стороны, Аугустин Сухи, писавший в то время, утверждал: «Пятьсот деревень и городов Арагона, с общей численностью населения около половины миллиона, ввели у себя коллективизм...»¹⁹ Хосе Пейратс оценивал число коллективов в 450, с 433 тысячами членов²⁰. Эту же цифру принимает Вальтер Бернеккер, который отмечает, что коллективы охватывали 300 тысяч человек, или 70% населения, и более 70% обрабатываемой земли²¹. Бруэ и Темим согласны с количеством коллективов, указанным у Пейратса, и утверждают, что в них входило 430 тысяч крестьян²².

Региональная федерация коллективов Арагона

Ещё в августе 1936 г. Буэнавентура Дуррути призывал крестьянские коллективы Арагона создать федерацию для защиты своих интересов. Однако подобная организация появилась лишь в феврале следующего года.

Несомненно, одной из причин позднего создания федерации коллективов было существование Совета Арагона, начавшего работу в середине октября 1936 г. Он выполнял многие задачи, которые, возможно, больше соответствовали федерации коллективов, и даже после того, как эта федерация была создана, наблюдалось некоторое смешение функций²³.

Другим фактором, замедлившим создание федерации коллективов в Арагоне, была оппозиция этой идее со стороны ряда комаркальных федераций, образованных местными коллективами в первые месяцы войны. По словам Феликса Карраскера: «Идти дальше, казалось, не входило в расчёты большинства крестьян, которые, привыкнув находиться в своём тесном кругу и испытав влияние пропаганды в пользу “вольной коммуны”, которую постоянно вела определённая часть либертарного движения, со скептицизмом смотрели на всё, что казалось им слишком большим и слишком сложным для того, чтобы осуществлять необходимый контроль снизу. Поэтому, боясь потерять свою автономию и противореча федеративной схеме, которую всегда отстаивало либертарное движение, они не проявляли особого энтузиазма в связи с идеей создания региональной федерации коллективов...»²⁴

Предварительная региональная конференция аграрных коллективов прошла в Каспе в ноябре 1936 г., но на ней не было создано никакой постоянной организации²⁵.

Региональная федерация коллективов Арагона (Federación Regional de Colectividades de Aragón) всё же была учреждена на конгрессе в Каспе, проходившем 14–15 февраля 1937 г. Мандатная комиссия сообщала, что на ней присутствовало 456 делегатов от 275 коллективов, включавших в себя 141 430 членов. Эта цифра, безусловно, занижена, поскольку некоторые из участвовавших коллективов учитывали только глав семей, а не всех своих членов. Присутствовали также официальные делегации от Национального комитета НКТ, Полуостровного комитета ФАИ и Регионального комитета анархических групп Арагона, Риохи и Наварры.

На конгрессе были приняты различные резолюции. Вероятно, наиболее важная из них провозглашала создание Региональной федерации коллективов, «с целью координировать экономический потенциал региона и поддерживать солидарность в этой Федерации в соответствии с принципами экономии и федерализма, которые служат нам ориентиром».

Другие резолюции призывали каждый коллектив, во-первых, вести статистику производства и потребления и отправлять её в комаркальные федерации, которые должны были передавать её региональному комитету; во-вторых, внести определённую денежную сумму, «в соответствии со своей обеспеченностью», в региональный фонд, созданный для помощи тем коллективам, которые оказались в затруднительном положении; в-третьих, если у коллектива имелся избыток рабочей силы, посылать людей в помощь другим коллективам, где не хватало рабочих рук.

Конгресс постановил: «Обращение денег в пределах коллективов должно быть отменено и заменено распределительными книжками, норму потребления каждый коллектив устанавливает самостоятельно». Это была попытка стандартизировать методы, используемые коллективами Арагона для распределения товаров и услуг среди своих членов.

Другая резолюция конгресса заявляла, что федерация признаёт существование муниципалитета, «поскольку в будущем он будет служить средством контроля народного имущества». Однако оговаривалось, что «границы территорий, находящихся в административном управлении этих органов, не должны ставить ограничений», что все сельскохозяйственные орудия должны быть в общем пользовании коллективов комарки.

Наконец, конгресс утвердил устав новой федерации. Он перечислял следующие «атрибуты» новой организации:

- 1) Усиленно пропагандировать преимущества коллективизма, основанного на взаимной помощи;
- 2) Управлять опытными хозяйствами, которые могут быть созданы в тех поселениях, где условия местности благоприятны для получения всех видов семян;
- 3) Заботиться о молодёжи, которая расположена к профессиональной подготовке, создавая технические школы, которые будут давать необходимое ей специальное образование;
- 4) Организовать группу технических специалистов, чтобы изучить способы получения наилучшей производительности труда в Арагоне в разных отраслях сельского хозяйства;
- 5) Стремиться к расширению торговли Арагона с окружающими областями, постоянно добиваясь улучшения условий торговли;
- 6) Регулировать коммерческие отношения с внешним миром, контролируя посредством статистики излишки продукции в регионе, и кроме того, она будет отвечать за фонд солидарности, проявляя заботу о всех нуждах федерированных коллективов, всегда в согласии с Региональным советом обороны Арагона».

Устав предусматривал создание Регионального комитета, в составе генерального секретаря, делопроизводителя, бухгалтера, казначея и двух других членов, который должен был находиться в Каспе²⁶.

Феликс Карраскер чувствовал, что вновь созданная федерация коллективов имела огромный потенциал, способный изменить ход войны:

«Нельзя забывать, что конгресс придал окончательную форму тому, что начали деревни. В ходе конгресса неявно были обозначены новые указания и ориентиры, такие как: устройство целого региона на основополагающих принципах экономики, образования, здравоохранения и культурного обмена; упразднение собственности как наследственного права и системы наёмного труда, одновременно с созданием «компенсационного фонда», обязавшего более богатые комарки помогать обделённым... Конгресс связал все комарки гибкой системой прав и обязанностей, превратил в осязаемый факт ту подлинную солидарность, которая определённо лежит в основе любой либертарной программы...»²⁷

Одной из первых мер новой федерации была разработка стандартной семейной распределительной книжки, в исполнение одной из резолюций её учредительного конгресса. На обложке этого документа указывались имя главы семьи и количество членов семьи в возрасте от 14 лет, младше 14 и младше пяти. Здесь же писались название и адрес коллектива. Распределительная книжка содержала страницы на каждую неделю года, начиная с 1–7 апреля 1937 г. На каждой странице были графы «товары», «количество», далее указывалась стоимость различных статей товаров, полученных семьёй за каждый день, в песетах и сентесимо. Было перечислено 24 статьи – большинство из них относились к продуктам питания, но также значились «скобяные изделия», «кухонная утварь», «мануфактура» и «обувь»²⁸.

Бруэ и Темим пишут, что «Крестьянская федерация прилагала невероятные усилия по организации опытных хозяйств, яслей и сельских технических училищ». Однако арагонская федерация просуществовала недостаточно долго для того, чтобы ввести централизованное распределение продукции своих коллективов, а также программы технической и финансовой помощи коллективам наподобие тех, что были реализованы в Леванте и Центре. После безжалостного нашествия коммунистических войск на Арагон в августе 1937 г. федерация, как и многие входившие в неё группы, фактически перестала функционировать.

Через месяц после вторжения коммунистов НКТ провела в Каспе пленум своих арагонских организаций. На нём было решено «упростить» структуру организации в регионе. В частности, решили, что «при Региональным комитете НКТ будет действовать ассоциированная комиссия по делам коллективов, которая по своим функциям будет идентична нынешнему Региональному комитету коллективов». В итоге, «Региональная федерация коллективов станет составной частью соответствующих комитетов организации на местном, комаркальном и региональном уровне»²⁹.

Комаркальные организации коллективов

Федерации коллективов, образованные в комарках региона, оказались гораздо более эффективными, чем региональная федерация. Большинство из них были созданы вскоре после начала войны, и по крайней мере некоторые продолжали действовать даже после вторжения коммунистов, исчезнув лишь с завоеванием Арагона силами Франко в марте 1938 г. Как сообщали, к февралю 1937-го в Арагоне имелись 22 комаркальных федерации³⁰.

Сохранилось достаточно информации о том, как проходила их деятельность. Гастон Леваль описывал работу типичной комаркальной федерации следующим образом: «Естественно, она должна была заниматься средствами связи (радио, почта, телеграф, телефон) и транспорта. Далее, она проявляла немалый интерес к культурному развитию связанного с ней населения. И также, поскольку шла война и революция, она распределяла оружие и предлагала стратегию сельским советам обороны. В районе Барбастро, к примеру, комаркальная федерация в течение девяти месяцев организовывала оборону против

фашизма, предоставляя продовольствие и все продукты, необходимые для войны»³¹.

Одной из федераций, работа которых лучше всего освещена в литературе, является Монсонская комаркальная федерация, куда входили 32 коллектива. Сразу же после своего создания федерация «приступила к сбору данных о производстве и потреблении по каждому из коллективов... Было установлено, что здесь имелись коллективы с весьма высоким экономическим потенциалом, тогда как другие едва могли продолжать существование...»³²

Федерация оборудовала центральные склады, куда коллективы свозили свои излишки и откуда они получали продукты, в которых нуждались. Также она «начала проводить обмен со всеми районами и всеми отраслями производства, в том числе, и довольно успешно, с товарищами в Каталонском регионе, особенно близком к нам, получая продукцию металлургии, пищевой промышленности, строительные материалы, одежду, обувь, инструменты и т.п.»

Как только эти меры по организации товарообмена были приняты, «мы обошли все коллективы комарки, определяя, что они имеют и в чём нуждаются. Через два месяца работа наших складов была налажена. С них коллективы получали текстиль, одежду, трикотаж, керамику и многие кухонные принадлежности для повседневного использования. У нас было два больших грузовика, которые часто уезжали [в Каталонию] и возвращались гружённые вином из Приорато и другими товарами. Наша комарка была богата многим, но не давала достаточно вина». Из Каталонии также привезли овец, которые были распределены по коллективам³³.

Комаркальная федерация также взяла на себя реализацию продукции единственного промышленного предприятия в районе – свеклосахарного завода в Монсоне. Рабочие предприятия с началом войны взяли на себя управление производством, но вопросами сбыта занималась федерация. Она выполнила все обязательства по контрактам, заключённым заводом ранее, и, ко всеобщему удивлению и радости, оказалось, что предприятие принесло значительную прибыль, «что обернулось одинаковой выгодой для всех, коллективистов и неколлективистов». Прежде чем завод завершил второй год своей работы под контролем рабочих, он был разрушен вражеским авианалётом³⁴.

Как минимум один раз у Монсонской комаркальной организации случились разногласия с Советом Арагона, который стремился (по крайней мере до создания региональной федерации коллективов) сосредоточить в своих руках сбор и распределение продукции по всему региону. После визита на Монсонский сахарный завод Бенито Павона, вице-секретаря Совета, комаркальная федерация отправила своих членов на встречу с Мигелем Серветом, советником по экономике. Когда тот сообщил им, что организацией обмена товарами и услугами должен заниматься Совет, а не комаркальная федерация, двое делегатов сказали, что согласятся на это, если Совет оплатит им в наличных стоимость продукции всех коллективов комарки – 3 миллиона песет. Услышав эту цифру, Сервет ответил, что у Совета нет таких средств, и на этом разговор закончился; комаркальная федерация продолжала свою работу без дальнейшего вмешательства со стороны Совета Арагона³⁵.

Комаркальская федерация разработала много планов по увеличению производства коллективов и повышению уровня жизни их членов. Ветеран организации вспоминал много лет спустя: «В небольшие деревни было проведено электричество, которого там никогда не было; средства связи, транспортная система, образование и забота о детях были усовершенствованы... Почти во всех коллективах комарки прессы для отжима оливкового масла, которые всё ещё приводились в движение животными, были модернизированы и оборудованы электродвигателями, тяжёлый труд стал легче. Так как крайне необходимый нам бензин в то время был дефицитным, мы поставили электродвигатели и на молотилки. Товарищи-электрики предоставили нескольким коллективам киноаппараты...»36

Замечательным достижением Монсонской комаркальской федерации было создание и обслуживание в Бинефаре больницы «Салют, Дуррути!». Ветеран комарки вспоминал об этом событии: «После реставрации старого сельского дома в нём были оборудованы кабинеты благодаря усилиям коллектива и двум врачам, которые бескорыстно и неустанно пеклись о больных. Чтобы приобрести необходимые материалы, каталонский хирург и член комаркальского комитета коллективов отправились в Барселону. Они купили лучшее хирургическое оборудование, доступное во время войны, для акушерства и травматологии, рентгеновский аппарат, а также материалы для медицинской лаборатории».

К апрелю 1937 г. в больнице было 40 коек, имелись отделения общей терапии, профилактики и лечения венерических заболеваний и гинекологическое. До июля 1937 г. больница отправляла акушерку в дома, где были роженицы, позже такие женщины стали ложиться в больницу. В день принимали около 25 пациентов. Больница была открыта для каждого жителя 32 деревень комарки37.

Что касается Вальдерробресской комаркальской федерации в провинции Теруэль, то она в первый год пострадала от зимы 1936/37 гг., необычайно холодной в этом районе, которая нанесла значительный ущерб урожаю оливок, основному продукту региона. Возможно, из-за этого работа комаркальской федерации была не такой разносторонней, как в федерации Монсона.

Как и в Монсоне, сельский кооператив Вальдерробреса стал центром деятельности комаркальской организации. Он был основан на собрании, проведённом вскоре после изгнания мятежников из района. Вначале различные коллективы напрямую обменивались продуктами с другими коллективами, сельскими и городскими, но очень скоро товарообмен был централизован в комаркальском кооперативе, который установил регулярные связи с нефтяной компанией КАМПСА, Монсонским сахарным заводом и другими предприятиями.

Как вспоминал ветеран организации: «Продукты, полученные в ходе этих операций, распределялись среди местных коллективов в соответствии с числом жителей, а те распределяли их между семьями. Всегда исходили из того, что продукты по той же норме будут доступны и не состоящим в коллективах, при условии, что взамен они предоставят свои излишки. Некоторые поселения собирали больший урожай, чем другие, но это не давало им права получить большее количество нормированных продуктов. Напротив, те поселения, которые не имели излишков, всегда получали установленную норму»38.

Как в Монсоне, комаркальная организация коллективов в Вальдерробресе осуществила много проектов в интересах всего общества. В их число входило проведение телефонной связи в деревни комарки. Кроме того, «в Вальдерробресе была создана комаркальная машинная станция для ремонта тех немногих автомобилей, которые были доступны для перевозки пассажиров и грузов, а также сельскохозяйственной техники...»

Коллективы совместными силами обустроили дороги и шоссе в комарке, устранив опасные повороты. Также «было отремонтировано или перестроено большое число зданий, чтобы никто не нуждался в жилье», возводились зернохранилища, скотные дворы и другие сооружения для сельскохозяйственных работ и содержания животных.

Комаркальная организация обращала внимание и на образование: «Несмотря на то, что некоторые учителя оставили свои посты, мы можем сказать, что все дети школьного возраста обоих полов получили надлежащую заботу. У нас было намерение построить для школ просторные здания, с хорошей вентиляцией и освещаемые солнцем, чтобы образование могло играть роль, соответствующую новому Либертарному Обществу, и не было необходимости эксплуатировать детей, иногда начиная с десяти или двенадцати лет»³⁹.

Аугустин Сухи также оставил описания нескольких комаркальных федераций: «В Асуаре располагается комаркальный комитет двенадцати деревень. Они посылают делегации, которые передают, что может предоставить каждая деревня и в чём она нуждается. Комаркальный комитет ведёт статистику на основе этих данных и производит обмен продуктами. До сих пор эта новая экономическая система, которая является не чем иным, как организованным обменом, не вызвала никаких трудностей»⁴⁰. Относительно Граньена Сухи сообщал:

“ «В комарке Граньен насчитывается 27 ассоциированных коллективов площадью 96 тысяч гектаров. В них проживают 11,5 тысяч жителей. Весь обмен в пределах двадцати семи деревень проходит через комаркальную федерацию. Есть два основных вида операций: а) прямой обмен между разными деревнями при посредничестве федерации; б) продажа излишков продукции и приобретение товаров, необходимых комарке. Комаркальная федерация должна дать своё разрешение на то, чтобы произвести обмен между деревнями или закупить что-либо. Пример: “Разрешение: Комаркальная федерация сельскохозяйственных коллективов Граньена. Эта комаркальная федерация разрешает коллективу Сангаррена вывезти 3 000 кило пшеницы в Лериду с целью обмена. Граньен, 3 июня 1937 г.”»⁴¹.

Сухи отмечает о федерации Барбастро:

“ «Барбастро является резиденцией одной из крупнейших комаркальных федераций. Из шестидесяти деревень комарки сорок семь коллективизированы и входят в федерацию... В некоторых деревнях комарки существуют коллективы ВСТ, но они также вступили в

комаркальную федерацию НКТ. Ассоциированные коллективы предоставляют комаркальной федерации точную статистику. Они указывают число жителей, площадь земли, состояние шоссе и дорог, поголовье животных, объёмы производства и производительность. Они указывают, сколько машин имеется в наличии и сколько необходимо, то же относительно материалов, продовольствия, одежды. Комаркальная федерация управляет экономическими делами 15 000 коллективистов...

Комаркальная федерация – своего рода экономический департамент. В ней есть секции транспорта, сельскохозяйственного производства, пищевой промышленности и др. Секция техники и оборудования занимается техническим обеспечением ассоциированных деревень. Комаркальная федерация унаследовала шесть молотилок, которые раньше принадлежали господам, и приобрела ещё две. Также закупили восемь жаток. В комарке имеются тридцать семь современных плугов, трактор и другая сельскохозяйственная техника. Комаркальная федерация обязана посылать в деревни, которые в этом нуждаются, машины и персонал, необходимый для их обслуживания...

Из коллективизированных деревень за всем необходимым, от семян до продовольствия, идут на склады комаркальной федерации. Кроме того, федерация построила скотные дворы по всей комарке»⁴².

Коллективизация: добровольная или принудительная?

Наиболее жаростные споры по поводу анархических сельских коллективов Арагона вызывал вопрос, было ли вхождение крестьян в них добровольным или их принуждала к этому НКТ-ФАИ, преобладающая сила в Арагоне в первый период Гражданской войны. Анархисты, само собой, были склонны подчёркивать добровольный характер коллективизации⁴³, в то время как коммунисты, в частности, настаивали, что крестьяне региона в подавляющем большинстве не желали вступать в коллективы и делали это лишь из-за присутствия анархических войск и других элементов, оказывавших на них давление.

Одним из самых бескомпромиссных обвинителей анархистов был Хосе Дуке, входивший в Совет Арагона и возглавлявший Коммунистическую партию в регионе во время войны. Он утверждал, что каждый раз, когда анархические милиционеры отвоёвывали какую-либо деревню у сил Франко, они созывали местных жителей на собрание, где перед ними выступал глава военного комитета колонны или местный анархический лидер:

“ «Как только изложение программы заканчивалось, проводилось голосование по предложениям, сформулированным оратором. Голосование всегда и во всех случаях должно было проводиться по характерной для анархистов процедуре: аккламацией, иначе говоря, выражением своего одобрения или несогласия публично, без соблюдения тайны голосования. Вдобавок, оратор,

пропев хвалу свободному человеку в свободном обществе, не забывал пригрозить ужасными несчастьями тем упрямым индивидуалистам, которым ещё не удалось избавиться от своих жалких мелкобуржуазных предрассудков. После такого, легко понять, что простые арагонские крестьяне с энтузиазмом поддерживали предложения оратора, полностью и без обсуждения принимая все его тезисы».

Дуке настаивал: «В “свободные коллективы” все крестьяне, все ремесленники и все рабочие вступали по принуждению. В поселении закрывались все магазины, большие и малые. Всё сносилось на большой общественный склад, непосредственно зависевший от “свободного коллектива”, который, в свою очередь, контролировался “комитетом обороны”»⁴⁴.

Аугустин Сухи приходил к диаметрально противоположным выводам:

“ «Коллективизация проводилась не по приказу государства и не насильственным путём, как в России. Огромное большинство крестьян сочувствовало идеалам социальной революции. Работать коллективно, распределять продукты между собой по справедливости – такова была их цель. Никакого определённого плана коллективизации не было. Не было декретов, правительственных комиссий, не давалось официальных директив, которые должны были выполнять крестьяне. Они действовали в соответствии с собственной интуицией. Активное меньшинство вело их. В среде местного крестьянства жил идеал либертарного коммунизма»⁴⁵.

Британский наблюдатель Франк Еллинек, который в целом больше сочувствовал сталинистам, чем анархистам, в августе 1937 г., по-видимому перед разорением арагонских коллективов отрядами Листера, дал в целом доброжелательную оценку коллективизации: «Насколько проникла в Арагон либертарная идея, можно судить по тому, как гордились селяне этой системой, и эта гордость определёнno не была вызвана увеличившимся благосостоянием»⁴⁶.

В большинстве работ о коллективах, которые мне известны, содержатся упоминания о сельских единоличниках (крестьянах, ремесленниках или торговцах), не вступивших в коллективы. Из 34-х арагонских коллективов, по которым у меня имеется подробная информация, крестьяне-единоличники были представлены в 19-ти. В некоторых других также могли присутствовать «индивидуалисты», хотя о них нет никаких особых упоминаний.

В ряде случаев большинство крестьян поселения очевидным образом отказывалось от коллективизации. Так, в Монсоне лишь пятая часть от 5-тысячного населения состояла в коллективе, согласно Аугустину Сухи⁴⁷, а Хосе Пейратс утверждает, что в этом коллективе насчитывалось только 450 человек⁴⁸. В Алькампеле коллектив насчитывал около 250 семей, что, по словам Виктора Бланко, одного из членов коллектива, составляло «почти половину населения»⁴⁹. Во Фраге около 700 семей состояли в коллективе; такое же число воздержалось от вступления⁵⁰.

С другой стороны, в Бинефаре 700 из 800 крестьянских семей состояли в коллективе, и их примеру последовали 10% занятых в кустарной промышленности⁵¹. В Барбастро, как сообщал Сухи, «единоличники составляют незначительное меньшинство»⁵², а в Торре-дель-Кампте «все вошли в коллектив»⁵³.

В Асуаре сложилась уникальная ситуация. Согласно Сухи, там одновременно существовали сельские коллективы НКТ и ВСТ и функционировал координационный комитет для поддержания дружественных отношений между ними⁵⁴.

Региональная федерация коллективов с некоторой неохотой приняла политику отказа от принуждения по отношению к тем крестьянам, которые не хотели вступать в коллективы. Резолюция учредительного конгресса федерации гласила:

“ «Мелким собственникам должно быть позволено иметь столько земли, сколько они и их семьи смогут обработать, но ни один мелкий собственник, не пожелавший вступить в коллектив, не должен пользоваться какими-либо преимуществами». С другой стороны, все земли, конфискованные у «фашистов», и всю землю, которая обрабатывалась арендаторами или издольщиками, следовало передать коллективу. Наконец, «чтобы искоренить эгоистические чувства, которые могут проявлять мелкие собственники, их владения не следует регистрировать в официальном реестре»⁵⁵.

Феликс Карраскер, бывший член Национального комитета НКТ, в разговоре со мной признал, что в Арагоне были коллективы, куда крестьян заставляли вступать, особенно если в дело была вовлечена анархическая молодёжь. Однако он настаивал на том, что национальное руководство НКТ пыталось предотвратить подобные действия⁵⁶.

Резолюция, принятая коллективом Ольете 22 апреля 1937 г., помогает пролить свет на отношения между коллективами и единоличниками. Помимо прочего, в ней заявляется:

“ «Все товарищи, недовольные своим нахождением в коллективе, будут иметь право выйти из него и работать в своих хозяйствах индивидуально, при условии, что никто не может иметь больше земли, чем он сможет обработать собственными силами, хотя они могут работать вместе, если в таком сотрудничестве нет эксплуатации человека человеком. Товарищи-индивидуалисты будут воздерживаться от действий, направленных против коллектива, поскольку если они предпримут их, то они будут рассматриваться как контрреволюционеры».

Другое положение резолюции гласило: «Кооператив коллектива откроет на каждого индивидуалиста счёт для записи стоимости товаров, которые он предоставляет, и на этот счёт указанные индивидуалисты могут брать продукты из кооператива, при условии, что коллектив в них не нуждается». И далее: «Индивидуалисты могут пасти свой скот по всему муниципалитету, соблюдая уважение к посевам, как это принято, и максимальная

численность коров, которую может иметь каждый индивидуалист, ограничивается двадцатью пятью головами. Они [индивидуалисты] обязаны беречь пастбища...»⁵⁷

Иногда случались конфликты между коллективистами и индивидуалистами. Наиболее серьёзный из них произошёл в коллективе Эсплуса в комарке Монсон. Здесь в начале военного мятежа был создан революционный комитет из представителей «Левых республиканцев» и НКТ. Анархисты организовали коллектив в начале сентября, но большинство поддерживавших ЛР крестьян и ремесленников отказались вступить в него. Вскоре они вышли и из ревкома, сформировали местное отделение ВСТ и вошли в контакт с Коммунистической партией. Новая организация ВСТ потребовала равного представительства с НКТ в ревкоме, равного распределения оружия между двумя группами и раздела земли, конфискованной у «фашистов», между единоличными собственниками.

Лидеры НКТ отказались выполнять эти требования, ссылаясь на то, что, по условиям национального соглашения, в ревкомы должны были входить только представители организаций, существовавших до 19 июля. Они заявили, что отделение ВСТ сформировано после этой даты, что всё оружие хранится в одном месте под охраной ревкома и что вся конфискованная земля должна обрабатываться коллективно. После этого, 8 октября, делегация коммунистов из Барбастро прибыла в Эсплус для переговоров с лидерами НКТ. Во время этих переговоров демонстрация ухэтистов, собравшаяся перед зданием, открыла беспорядочную стрельбу, в результате которой погибли около 30 человек, включая главу местного ВСТ, вышедшего на балкон.

Через два дня после этого инцидента все члены ВСТ попросили принять их в коллектив. Согласно источнику анархистов, вначале они получили отказ, однако в итоге их просьба о вступлении была удовлетворена⁵⁸.

Коллективы и война

Многие арагонские коллективы находились в считанных милях от той линии, по которой проходил фронт с конца лета 1936 г. до начала Арагонского наступления Франко в марте 1938 г. Они поставляли милиции как новобранцев, так и провизию. К примеру, 145 молодых людей из Грауса пошли в милицию НКТ⁵⁹; в Бинефаре, при общей численности населения всего 3,5 тысячи, в милицию записались около 60; в коллективе Каланды 500 человек, при общей численности 4,5 тысячи, служили в милиции, по большей части в 26-й дивизии⁶⁰. В Мас-де-лас-Матасе мельник коллектива жаловался Сухи: «Слишком много товарищей на фронте. Нам не хватает работников»⁶¹.

Конечно, бóльшая часть продовольствия, получаемого республиканскими войсками на Арагонском фронте, также предоставлялась коллективами региона. Коллектив Монсона продавал армии овощи⁶². Коллектив Бинефара еженедельно отправлял на фронт 30–40 тонн провизии. Столько же было отправлено им в Мадрид в разгаре осады города⁶³.

Аугустин Сухи сообщал о ещё одном коллективе, из Альбалате-де-Синки, который добровольно помогал обеспечить Мадрид: «В марте была проведена акция солидарности с

Мадридом. Десять живых боровов, от 115 до 120 килограммов каждый, 500 кило свинины, 87 цыплят, 50 кроликов, две с половиной тонны картофеля, 200 дюжин яиц, бобы и другие овощи, а также несколько дюжин коз – всё это было отправлено в непокорённый город. Это было свидетельство щедрой солидарности села с нуждающимся народом столицы. Крестьяне не приняли бы за это никакой платы, даже от отдела военного снабжения Комаркального комитета Альбалате, и вдобавок отправили в Мадрид десять вагонов с мукой и другим продовольствием. За это они также не стали требовать никакой компенсации...»⁶⁴

Общие характеристики арагонских коллективов

Аугустин Сухи описывал общие черты коллективов Арагона, которые он видел в своих поездках 1936 и 1937 гг.:

“ «Самая мелкая коллективная единица в Арагоне – трудовая группа. Она включает в себя от 5 до 10, иногда больше участников. Группы создаются крестьянами, которые связаны между собой дружбой; иногда они также живут на одной улице. К ним относятся бывшие мелкие собственники, мелкие арендаторы, издольщики и батраки. Они идут на работу все вместе. Впереди – делегат группы. Часто сам делегат подбирает себе компаньонов для работы. Коллектив распределяет работу между группами. Когда группа заканчивает свою работу, она помогает другой группе...

Если трудовая группа превышает указанное число участников, каждый работник получает производственный табель. Делегат делает в нём записи, подтверждающие работу членов группы. Инструменты, машины и животные, необходимые для работы, являются собственностью коллектива. Обработка земли, выполнение работы, которая была ей задана, является задачей группы»⁶⁵.

Аугустин Сухи также описывал способ, которым распределялись продукты в коллективе:

“ «Распределение земли, работы, инвентаря и скота стало первым, что было сделано. Коллектив, прежде всего, должен был озаботиться обеспечением материального существования своих членов. Продукты полей свозились на общий склад; самые важные виды продовольствия распределялись между всеми поровну. Излишки использовались для обмена с другими коммунами или с городскими коллективами. Продукты собственного производства распределялись безвозмездно. В зависимости от богатства коллектива, сюда входили хлеб и вино, иногда также мясо и другая еда, без ограничений и бесплатно. То, что получалось извне, путём обмена или покупки у других коммун или в городах, и то, что имелось в недостаточном количестве, было нормировано. Но у каждого было необходимое для жизни, в той степени, в

какой ситуация в коллективе позволяла ему удовлетворять нужды своих членов...

Удовлетворение потребностей было отделено от рабочих способностей человека. Больше не говорили: “Хорошая работа за хорошую подённую плату”, – новой нормой стало: “От каждого по способностям, каждому по потребностям”»⁶⁶.

Эта новая система распределения в большинстве случаев влекла за собой частичную или полную отмену денег. Часто отдельный коллектив вводил у себя какое-нибудь средство обмена для внутреннего использования. В других случаях все товары либо распределялись по норме, либо бесплатно предоставлялись желающим. В этих практиках наблюдалось значительное разнообразие, но деньги Республики очень редко продолжали использоваться в коллективах – хотя, конечно же, они бывали нужны членам коллектива, когда те отправлялись «вовне».

Судя по всему, типичной с точки зрения замены денег была ситуация, наблюдавшаяся Аугустином Сухи в коллективе Масалеона:

“ «У председателя сельского коллектива, Мануэля Аранды, появилась оригинальная идея. Он предложил жестяные жетоны в качестве заменителя денег... Существуют жетоны ценностью до двадцати пяти песет. Но эти монеты не выдаются в качестве заработной платы: они служат только средством обмена. Каждый член коллектива получает эти жетоны. Он покупает на них то, что нужно ему для жизни и что имеется в коллективе. Одна песета в день на взрослых, 0,75 на детей младше четырнадцати лет»⁶⁷.

Оценивая опыт, по крайней мере одна группа коллективистов пришла к выводу, что отмена денег была одной из главных ошибок арагонских анархистов. Авторы работы, посвящённой коллективам комарки Вальдерробрес в провинции Теруэль, отмечают:

“ «Мы хотим указать на тактическую и психологическую ошибку, которую представляла собой полная или частичная отмена денег. Те, кто участвовал в этом, все испытали на себе эту меру. Все могут подтвердить, какое недовольство, и не раз, вызывали такие решения. Без сомнения, приверженцы упразднения денег всё ещё существуют, поскольку некоторые поддерживают систему “свободного распределения”. Мы считаем, что это дело большой сложности, о котором хорошо философствовать, но которое трудно осуществить на практике, по крайней мере в течение одного или двух поколений. Человек хочет работать, но он также хочет по своему желанию распоряжаться той частью, на которую он имеет право. И, как говорится, на вкус на цвет товарищей нет»⁶⁸.

Ничто не говорит о том, что метод посемейной оплаты в коллективах давал какие-нибудь поблажки лодырям. Феликс Карраскер утверждал, что дух сотрудничества был достаточно

сильным, чтобы предотвратить это, но добавлял, что социальное давление на каждого члена коллектива со стороны других членов, побуждавшее выполнять свою часть работы, также было велико⁶⁹.

Примеры каталонских коллективов

Было бы невозможно пытаться описать во всех подробностях все коллективы, информация о которых доступна. Однако, для лучшего понимания природы анархических сельских коллективов в Арагоне, стоит привести несколько примеров.

Безусловно, одним из самых успешных в Арагоне и одним из тех, о которых больше всего было написано, не только анархистами, но и другими, был коллектив Грауса, в северной части региона. Социалист Абелардо Пратс писал: «Тем, кто хочет узнать о том феноменальном творчестве, которое происходит в Испании с тех пор, как началась революция и война, я советую посетить Граус»⁷⁰.

Гастон Леваль, посетивший Граус в июне 1937 г., отмечал, что эта часть Арагона была очень консервативной, и из 43 деревень в комарке Граус только одна была коллективизирована полностью и ещё 10 – частично⁷¹. Тем не менее в самом Граусе, селе с населением около 2 600 человек, коллективизация проводилась широко.

Согласно Абелардо Пратсу, 700 семей в Граусе вступили в коллектив, а 160 оставались вне его⁷². Однако многие из единоличников не были крестьянами, поскольку в Граусе, как указывал Леваль, имелось «много небольших заведений, обслуживавших сельскую округу». К июлю 1936 г. 40% населения было занято в торговле, остальные – в промышленности и сельском хозяйстве⁷³.

Леваль описывал, как проходила коллективизация в посёлке. Сельскохозяйственный коллектив был организован 16 октября 1936 г., и в следующие два месяца НКТ и ВСТ, работая совместно, обобществили транспорт, печатные станки, обувные магазины, медицину, аптеки, кузницы, плотницкие и столярные мастерские⁷⁴. Пратс заключает: «Село достигло экономического единства, которое служит общественной пользе и коллективным интересам»⁷⁵.

Пратс, посетивший Граус через месяц или два после Гастона Леваля, был особенно впечатлён организацией сельскохозяйственной части коллектива. Он утверждал, что с введением «посемейной оплаты» средняя крестьянская семья стала получать по крайней мере в полтора раза больше, чем у неё было до создания коллектива.

Эффективность управления в коллективе приводила его в восхищение: «Всё систематически организовано. На каждую отрасль производства составлен свой документ с точными данными по её развитию и производительности, расписанными по дням, часам и землям. Таким образом, ничто не теряется, и организация всего находится на высочайшем уровне»⁷⁶.

Согласно Гастону Левалю: «Координирующие функции в коллективе выполняла административная комиссия из 8 человек. Она разделялась на 8 отделов, каждый из которых возглавлялся секретарём высокой квалификации, делегировавшимся на неограниченный срок рядовыми членами двух профсоюзов. НКТ и ВСТ были поровну представлены в комиссии – по 4 от каждого профсоюза. Все делегаты в любое время могли быть отозваны общим собранием. Отделы были следующие: культуры и здравоохранения, статистики и труда, промышленности, транспорта и связи»⁷⁷.

В результате снижения торговой активности, вызванного войной, в Граусе стали больше внимания уделять земледелию и животноводству. Среди достижений было строительство свинофермы на 2 000 голов; каждой семье в конце года давали свинью для убоя. Пратс отмечал, что «для животных устроены мойки, и они получают полный уход, которого требует научное содержание животных».

Коллектив также построил большую птицеферму с собственной лабораторией. Когда Пратс посетил её, там было больше 10 тысяч птиц. Он говорил: «...Всё новое и великолепное. Всё устроено в соответствии с требованиями техники». Директор фермы изобрёл новый инкубатор, «имеющий бóльшую производительность, чем существующие»⁷⁸.

Не были проигнорированы и социальные нужды коллектива: «Дети являются предметом особой заботы и постоянного внимания коллектива. До четырнадцати лет их не отправляют на работу ни под каким предлогом. Эксплуатация ребёнка собственной семьёй, в прежние времена в большинстве случаев вызванная бедностью в домах, где они появились на свет, закончилась... Матери и, прежде всего, женщины, которые скоро станут матерями, также испытывают на себе особую заботу, особенно в период вскармливания. Их освобождают от всех рабочих обязанностей»⁷⁹. Была создана новая художественно-ремесленная школа. Также работала библиотека, у коллектива были типография и книжный магазин. Когда Пратс посетил его, там проводилась выставка для ста детей, эвакуированных из Мадрида и других зон боевых действий⁸⁰.

Коллектив Грауса был исключительно успешным. Согласно Абелардо Пратсу, во многом он был обязан этим успехом своему главному секретарю – Эмилио Портелье⁸¹.

Конечно, многие коллективы не могли предоставить своим членам такое же обслуживание, какое было в Граусе. К примеру, Аугустин Сухи сообщал относительно коллектива Муньесы: «В культурном отношении это поселение стоит ниже других деревень. Здесь нет учителя, 500 детей не могут ходить в школу, очень много неграмотных. В деревне нет кинозала и, что гораздо хуже, нет врача; два обывателя, имеющих какие-то знания, занимаются лечением, естественно с грехом пополам»⁸².

Возможно, более типичным, нежели коллективы Грауса и Муньесы, был коллектив Каланды в долине Гуадалупе в Нижнем Арагоне. Ко времени революции 1936 г. земля в округе принадлежала главным образом латифундистам, хотя имелось и некоторое число мелких собственников. Земля помещиков сдавалась в издольщину, и было подсчитано, что 40 или 50 семей в Каланде получали половину дохода как собственники земли, а другую половину получали остальные 5 000 человек, большинство из которых жили в страшной бедности.

Во время военного мятежа крупные собственники поддержали переворот. Был сформирован революционный комитет, состоявший из НКТ и «Левых республиканцев». В районе действовал Синдикат разных профессий НКТ, насчитывавший около 800 членов, по большей части сельскохозяйственных рабочих и издольщиков, а также некоторых ремесленников. Ревком занял место муниципального совета и в ноябре 1936 г. официально получил его права.

Аграрный коллектив сформировали примерно 2,5 тысячи человек из 5 тысяч жителей муниципалитета. Прочие остались мелкими собственниками. Бывший секретарь спустя много лет признавал, что часть крестьян могла вступить в коллектив из страха, хотя и настаивал, что оснований для него не было.

Члены коллектива делились на команды по 10–14 рабочих. Каждая из них избирала делегата, и каждый вечер делегаты собирались, чтобы запланировать работу на следующий день и распределить её. Существовало также правление, избиравшееся общим собранием и осуществлявшее общий контроль над коллективом. Общее собрание проходило еженедельно, и правление и делегаты отчитывались на нём о том, что было ими сделано.

Оплата труда в коллективе производилась на душу, каждый человек, мужчина, женщина или ребёнок, получал установленную норму. Большая часть зарплаты выдавалась натурой. Отношения коллектива с внешним миром строились по большей части на основе бартерных обменов. В некоторых случаях даже свёртывали производство, если в других местах условия для него были лучше, – например, перестали разводить свиней, решив, что этим лучше заниматься людям, живущим на горных склонах.

Отношения с мелкими хозяевами-единоличниками, как сообщают, были дружественными. В городе у них был кооператив, независимый от коллектива. Кооперативу коллектива иногда удавалось достать такие товары, например лампочки, которые не мог получить кооператив единоличников, и тогда первый продавал их второму. Некоторые из крестьян-единоличников сами являлись членами НКТ.

В общине создавались различные комитеты. Один из них проверял земельных собственников на предмет их принадлежности к «фашистам». Другой определял, будет ли земля, конфискованная у «фашистов», передана коллективу или единоличным хозяевам. В этих и других комитетах были представлены все политические группы, действовавшие в поселении.

Коллективом был конфискован доминиканский монастырь. Здания были переоборудованы в школу с 19-ю классами. Среди её сотрудников были шесть из прежней городской школы, пять монахинь из соседнего монастыря, полдюжины старшекурсников из ближайшего педагогического училища и несколько учителей на пенсии. Когда фронт подошёл к Каланде, детей эвакуировали, и в зданиях разместился госпиталь. Земля монастыря была отведена под опытное хозяйство. Коллектив также устроил библиотеку и общественную баню для жителей поселения.

Коллектив первоначально обеспечивал продовольствием тех своих членов, которые ушли на фронт и рабочие места которых по большей части были заняты женщинами. Когда работа

коллектива наладилась, поставка продовольствия в армию была организована на регулярной основе⁸³.

Необычным был коллектив Куэвас-де-Портальрубио, недалеко от Теруэля. Некоторое время он находился на нейтральной полосе между двумя противоборствующими силами; в него входило 40 семей, всё население деревни, которые выращивало пшеницу и занималось овцеводством. Однажды франкисты угнали из коллектива 250 овец и застрелили одного из пастухов. Как было принято, продукты распределялись между семьями пропорционально количеству их членов; медицинское обслуживание было для всех бесплатным, в серьёзных случаях больных отправляли на лечение в Барселону. Коллектив был захвачен войсками Франко в марте 1937 г.⁸⁴.

Наступление войск коммунистов на коллективы Арагона

После «гражданской войны внутри гражданской войны» в Каталонии в начале мая 1937 г. и последующего падения правительства Франсиско Ларго Кабальеро в конце месяца анархисты продолжали удерживать Арагон, но упорные попытки ликвидировать анархические сельские коллективы в этом регионе не прекращались.

Хотя коммунисты были главными действующими лицами в сокрушении политической и экономической мощи анархистов в Арагоне и хотя эта операция в основном проводилась войсками, находившимися под их контролем, они отнюдь не были единственной политической силой, участвовавшей в этом. Социалисты, и в частности министр обороны Индалесио Прието, играли важную роль в этих манёврах, как мы увидим в последующих главах.

Гастон Леваль дал красочное описание нападений, произведённых коммунистическими войсками – в первую очередь 11-й дивизией Листера и 27-й дивизией, бывшей колонной «Карл Маркс»:

“ «В середине июня началось наступление в Арагоне, которое велось в широком масштабе и методами, доселе невиданными. Приближалось время жатвы. С винтовками в руках, сборщики, присланные коммунистами, останавливали на главных дорогах грузовики, перевозившие продовольствие, и перенаправляли их в свои лагеря. Немного позднее эти же стражники приходили в коллективы и от имени Главного штаба, размещавшегося в Барбастро, требовали передать им большое количество пшеницы».

Леваль описывал следующий шаг коммунистов и их союзников, направленный против арагонских коллективов:

«Они приступили к реквизиции всех грузовиков, в то время незаменимых при транспортировке урожая, особенно пшеницы... Коллективы почти всегда получали грузовики в обмен на свою сельскохозяйственную продукцию, иногда отказывая себе в необходимом продовольствии. Грузовики были одним из тех приобретений, которым гордились больше всего. Но их все забрали, безжалостно, под предлогом войны».

Леваль указывает ещё один способ подрыва арагонских коллективов:

“ «В это же время, и только в Арагоне, они проводили набор новых солдат под предлогом подготовки наступления. В самом начале жатвы пятьдесят юношей из Эсплуса были мобилизованы... Почти все деревни лишились своей молодёжи, однако в Каталонии те же категории призывников не трогали. Они пошли в армию позже. А жатва тем временем прошла в самых скверных условиях...»85

“ «Затем началось открытое нападение. Командовал им майор Листер. Описывать его эпизоды во всех деталях было бы слишком долго. Конечным результатом было то, что 30 процентов коллективов были уничтожены. В Альколеа был арестован муниципальный совет, управлявший коллективом; обитатели дома престарелых были выброшены на улицу. В Мас-де-лас-Матасе, Монсоне, Барбастро – нигде не обошлось без арестов. Повсеместно шли грабежи. Опустошали кооперативные склады, хранилища пшеницы; ломали инвентарь. Губернатор Арагона, назначенный центральным правительством после роспуска Совета Арагона... протестовал. Ему сказали идти к чёрту»86.

Позднее, на Национальном крестьянском конгрессе НКТ, 22 октября 1937 г., Региональный комитет Арагона представил доклад о произошедшем:

“ «Более 600 организаторов коллективов были арестованы. Правительство назначило управляющие комитеты, которые стали заведовать складами продовольствия и беспорядочно раздавать их содержимое. Земли, тягловый скот и рабочий инвентарь были возвращены семьям или фашистам, над которыми смиловалась Революция. Таким же образом разделили урожай. Животных, выращенных коллективом, постигла та же судьба. Было разрушено много коллективных птичников, конюшен, молочных ферм. В некоторых муниципалитетах, таких как Бурдеос и Каласейте, у крестьян отобрали семена, и теперь им нечем засеять землю»87.

Коммунисты обосновали это разрушение арагонских коллективов в своей ежедневной газете «Красный фронт» от 14 августа 1937 г.:

«Поскольку дело касается коллективов, мы должны заявить, что ни один арагонский крестьянин не вступил в них без принуждения. Каждый, кто сопротивлялся, пострадал физически и материально от террористических санкций. Тысячи крестьян бежали из региона, предпочитая покинуть свой дом, чем терпеть тысячу невыносимых мер, принятых Советом Арагона. Их земли были отобраны, их принуждали работать от восхода до заката на их собственной земле, изнурять себя, получая за это девяносто пять сентимо. Каждый, кто сопротивлялся, лишался хлеба, мыла и большинства вещей, необходимых для жизни. Всё продовольствие, находившееся в частном владении, было конфисковано. В муниципальные Советы вошли заведомые фашисты; шефы эскадронов Фаланги, обладатели партийных билетов, стали мэрами, советниками...»⁸⁸

Впоследствии, однако, даже коммунисты, оставшиеся в партии и выбывшие из неё, признавали, что разгон коллективов в Арагоне был ошибкой. Бернетт Боллотен цитирует Хосе Дуке, который сказал, что принятые Листером меры «были более суровыми, чем было необходимо». Другой коммунист (и оставшийся коммунистом), который входил в Совет Арагона, Мануэль Альмудí, говорил: «Меры Листера в Арагоне были очень жёсткими. Он мог действовать и с большей осмотрительностью. Его поведение вызвало сильное озлобление»⁸⁹.

Вероятно, наиболее откровенно высказался Хосе Сильва, генеральный секретарь Национального института аграрной реформы и коммунист:

“ «Когда правительство Республики распустило Совет Арагона, генерал-губернатор попытался смягчить глубокое беспокойство в сердцах крестьянских масс, распуская коллективы. Эта мера была очень грубой ошибкой и вызвала чудовищную дезорганизацию в сельской местности...

Верно то, что целью губернатора было исправить несправедливость и убедить сельских тружеников в том, что Республика защищает их, но результат оказался прямо противоположным ожидаемому. Эта мера лишь усилила беспорядок, и вновь пошло в ход насилие, на этот раз с другой стороны. В результате полевые работы почти остановились, и четверть земли не была вовремя подготовлена к севу»⁹⁰.

Частичное восстановление коллективов

Если верить Гастону Левалю, две трети арагонских коллективов уцелели после разорения региона войсками коммунистов в августе 1937 г. Кроме того, многие из коллективов, разогнанных дивизией Листера или другими частями республиканской армии, были восстановлены, когда кампания против них пошла на спад.

Хосе Пейратс отмечал изменения в политике правительства и Коммунистической партии:

«Коллективные хозяйства снова были разрешены. Заключённых освободили. Коллективизация пошла полным ходом. Подготовились к новой посевной. Но на этот раз урожай пожал Франко... Нельзя безнаказанно играть в игры, вызывающие деморализацию фронта и тыла»⁹¹.

У нас нет полной информации о том, сколько коллективов было восстановлено после вторжения коммунистов. Однако можно привести подробности по некоторым случаям. Например, коллектив Каласейте в провинции Теруэль:

“ «После нападения коллектив, как могли, реорганизовали. За это время так называемые коммунисты вернули часть земли тем, кто с оружием в руках выступил против Республики, то есть фашистам. Естественно, нападение вызвало деморализацию; коллектив был не тот, что прежде, в нём не было такого же энтузиазма»⁹². Коллектив Кретаса, в той же провинции, очевидно, продолжал существовать, хотя после нападения коммунистов в его рядах, как сообщали, наблюдалась «определённая деморализация»⁹³.

В коллективе Ла-Фреснеды последствия были не столь катастрофическими. Он был легализован министерством сельского хозяйства, и когда руководители коллектива предъявили свидетельство о регистрации вторгшимся коммунистам, те не решились полностью его ликвидировать. Тем не менее они провели общественное собрание, где объявили, что любой желающий может покинуть коллектив. После этого ушли «некоторые недовольные», среди которых были те, кто входил в НКТ до 19 июля.

После этого инцидента, согласно источнику, «очищенный от нездоровых элементов... коллектив поднялся с неожиданной силой. Это была настоящая семья... В бригадах только и говорили о том, какую работу надо сделать, чтобы увеличить производительность, восстановить дороги и ирригацию, отремонтировать дома; все мысли были о будущем и прогрессе...»⁹⁴

Коллектив Каланды был воссоздан через некоторое время после ухода солдат Листера. В соответствии с правительственным декретом, он прошёл регистрацию с помощью молодого человека, который учился на юриста. Коллектив просуществовал до вторжения сил Франко в марте 1938 г.⁹⁵.

Коллектив Бальобар-дель-Синки, возле Уэски, разгромленный дивизией «Карл Маркс», также был восстановлен вскоре после нападения. По воспоминаниям одного из его бывших участников, после реорганизации он был «точно таким же, как раньше»⁹⁶.

Заключение

Преобразование сельского хозяйства в соответствии с анархической доктриной на большей части Арагона в первый год Гражданской войны, безусловно, являлось одним из важнейших достижений испанских анархистов. Среди коллективов, созданных анархистами,

наблюдалось значительное разнообразие, но определённые черты, по-видимому, были для них общими.

Представляется универсальным правилом, что арагонские сельские коллективы принимали принцип оплаты по потребностям, а не по результатам труда. Судя по всему, что во всех коллективах работа выполнялась группами или бригадами приблизительно по десять человек, с выборными делегатами во главе. Окончательные решения в каждом коллективе принимало общее собрание, которое состояло из всех взрослых членов коллектива и в большинстве случаев проводилось на удивление часто. Каждый коллектив имел правление, избиравшееся на собрании, которое направляло работу коллектива, но должно было регулярно отчитываться перед членами. Члены правлений, по-видимому, могли быть отозваны в любой момент, хотя свидетельства не говорят о том, что подобные случаи были частыми. Наконец, все коллективы, очевидно, обменивались излишками своей продукции с другими коллективами, а также со сторонними организациями, обычно через свою комаркальную федерацию.

Не столь всеобщим, но тем не менее распространённым был отказ от использования денег Испанской республики для расчётов внутри коллектива, хотя во многих случаях даже те коллективы, которые отменили официальные платёжные средства для внутренних целей, должны были использовать их, когда вели дела со сторонними организациями или комаркальной федерацией. Эквиваленты денег варьировались, от внутренних денежных знаков, созданных коллективом, до системы нормирования в чистом виде и даже, по крайней мере в немногих случаях, свободного распределения, когда члены коллектива просто приходили в кооперативный магазин и бесплатно получали то, что им было нужно.

Много внимания уделялось организации школьного образования или, если оно уже существовало, его расширению. Примером во многих случаях служили «свободные школы» Франсиско Феррера. Другие культурные учреждения, особенно библиотеки, также получили распространение в коллективах. В большинстве случаев коллективы также стремились обеспечить своим членам бесплатное лечение, либо на месте, либо обращаясь к услугам врачей и больниц в близлежащих городах.

С чисто экономической точки зрения, данные говорят о том, что коллективисты с большим усердием строили мелкие предприятия, чтобы перерабатывать свою продукцию или производить товары для коллектива или комаркальной федерации. Также они занимались проведением электрических и телефонных линий, строительством и улучшением дорог, строительством новых сельскохозяйственных сооружений, таких как зернохранилища, свинарники, коровники и т.п.

Возможно, самым выдающимся из несельскохозяйственных предприятий коллективов была добыча бурого угля, начатая коллективом Андорры в провинции Теруэль. Запасы угля в этой местности были разведаны задолго до Гражданской войны, но геологи объявили их непригодными для разработки. Однако, по причине сложности – и впоследствии невозможности – получения угля из Астурии, в Каталонии возникла его нехватка, и стала неотложной необходимостью задействовать новые ресурсы, имевшиеся под рукой.

Коллектив Андорры взял на себя инициативу и в ноябре 1936 г. открыл в окрестностях шахту с помощью семи опытных шахтёров, нанятых специально для этой цели. Крестьяне Андорры составили бóльшую часть рабочей силы. Они вырыли шахту глубиной 50 метров с тремя галереями. Единственными их инструментами были кирки и лопаты, хотя для откачки воды использовался насос с моторным приводом. В итоге шахта давала в среднем 30 тонн угля в день. Гастон Леваль отмечал: «Благодаря этому работали многие фабрики Каталонии»⁹⁷.

Имеющиеся данные, по-видимому, указывают на то, что по своей производительности коллективы не уступали крестьянским хозяйствам, существовавшим ранее, а во многих случаях значительно их превосходили. Бруэ и Темим обращают внимание на утверждение анархистов, что «увеличение объёмов производства с 1936 по 1937 год составляло от 30 до 50%»⁹⁸. Коллективы, несомненно, внесли существенный вклад в обеспечение продовольствием войск на Арагонском фронте и в меньшей (но всё же значительной) степени Мадрида во время его осады, а также помогали снабжать города Каталонии и Леванта.

Сами арагонские анархисты нередко упоминали о том, что критики обвиняли их в попытках построить Утопию. Конечно, до определённой степени это было верно. Мы должны сделать вывод, что хотя их начинания и не давали достаточных доказательств того, что их представления о справедливости и равенстве в сельском обществе были осуществимы в длительной перспективе, в то же время год с небольшим опыта либертарного коммунизма в Арагоне не является окончательным доказательством обратного.

Версия #1

Зверобой создал 8 мая 2025 16:16:05

Зверобой обновил 8 мая 2025 16:24:50